

"Я всего лишь хочу сжечь для него бумагу, пожалуйста, просто отпустите меня". Ее красивые глаза наполнились слезами, когда она жалобно смотрела на монаха.

Монах немного поразмыслил: "Ну, на самом деле не имеет значения, где вы сожжете джонс. Лагерь звероловцев расположен в прекрасном месте, с видом на девять подземных царств и небо прямо над головой. Как насчет этого? Мы пойдем к озеру и сожжем ему целый вагон джонс-бумаги? Он сможет жить на широкую ногу сто лет на восемнадцатом уровне ада".

Налан Сюэцзянь слегка покусывала губы, находя этого монаха все более раздражающим с каждой минутой, а потом совсем разрыдалась.

По тропинке, украшенной бамбуковыми деревьями, шла женщина с чистой кожей и красивыми чертами лица. У нее была тонкая и женственная фигура.

Это была молодая монахиня, но ее глаза были соблазнительны. Если бы она вышла в мир, то стала бы красавицей, сокрушающей царства, поводом для войны.

На ней был белый буддийский халат, но кожа была еще светлее - почти как у снежной феи.

"Почему ты плачешь, младшая сестра?" Голос Бай Жусюэ был элегантным и спокойным, как ручьи вокруг горы.

Кто бы мог подумать, что эта монахиня раньше была демонессой из четвертого зала храма Сенлуо?

Ее подчинил себе Наньгун Хунъянь, приказав оставаться рядом с Налань Сюэцзянь, чтобы украсть ее буддийский халат Налань. Она притворилась жертвой и стала ученицей монаха Цзю Жу.

Однако культивация этого монаха была не только пугающей, но и очень осторожной. Несмотря на свою хитрость, она ничего не могла сделать.

После смерти Нангун Хонгяна угроза исчезла, но она все еще не уходила по двум причинам.

Первая - халат.

Вторая - тайное изучение буддийского писания монаха - "Люди".

"Эта девчонка не хочет изучать "Народное писание" и его великое дао, только и думает, как бы сбежать. Ты пришел вовремя, иди и убеди ее". Монах вздохнул и снова начал пить.

Он не хотел передавать это писание Бай Руксюэ, поэтому у нее не осталось выбора, кроме как тайно изучать его у Налан Сюэцзянь.

Глаза Руксюэ были яркими, как звезды. Ее белые брови слегка дрогнули, и она с улыбкой спросила: "Младшая сестра, я слышала, что сегодня в лагере произошло что-то очень интересное, многие сестры бегут туда, чтобы посмотреть".

"Правда?" Сюэцзянь подняла голову; ее волосы были в беспорядке, но слез больше не было. Она потянула Раксюэ за рукав и спросила: "В чем дело?"

"Ладно, не тни сейчас, я сама расскажу. Кто-то сказал, что на Тысяче Островов беременна ученица, но я не знаю всех подробностей". сказал Раксюэ.

Даже монах перестал жевать свой большой кусок мяса. Он огляделся, чувствуя интерес к этому редкому событию. В последнее время в лагере было слишком спокойно.

"О? Как она забеременела?" Глаза Сюэцзяня загорелись любопытством.

Раксюэ сказала: "Мужчина обманул ее, так они сказали".

"Обманул мужчина?" Сюэцзянь забеспокоилась: "Но тогда меня всегда обманывал Фэн Фэйюнь, почему я не забеременела?"

"..." Раксюэ потеряла дар речи.

"Угг..." Мясо застряло в горле монаха. Он поспешно влил вино в горло, прежде чем смог проглотить его.

Пока он боролся, Сюэцзянь и Раксюэ уже летели к Тысяче Островов, превратившись в два красивых луча в небе.

"Помедленнее, я тоже иду!" Монах поднял свою мантию, как большая птица поднимает крылья, чтобы броситься в погоню.

Никакие секреты не вечны. Хотя Цинхуа запретила своим ученикам говорить об этом, все равно за полдня эта новость облетела весь лагерь.

Сюда спешили красивые девушки. Большинство из них были молодыми и красивыми, с прозрачной и чистой аурой.

Самые сильные из них имели буддийское сияние и скакали на цветах лотоса с белым ореолом над головой. Одно их легкое движение могло повлиять на природу и растительность.

"Я слышала, что беременная девушка - служанка Верховного Ву; она даже помогла тому человеку украсть Писание Золотого Шелкопряда". Девушка стояла на голове серебряного волка. Зверь парил на вершине бамбукового дерева, покачиваясь на ветру.

Это была самая лучшая ученица лагеря в этом поколении - Чан Линьэр. Она и раньше выходила в светский мир, чтобы тренироваться, даже участвовала в мероприятии по выгравированию имен на священной скрижали.

Однако она держалась в тени и редко сражалась, поэтому никто не знал ее текущую культивацию.

"Как подло делать что-то подобное в нашем лагере. Если бы хозяин лагеря не приютил этого монстра, этого бы не случилось". Другая талантливая девушка стояла на вершине озера. От ее ног исходили волны, но не в форме круга, а в образе Будды.

Это была ученица лагеря десятого ранга.

Несколько других красавиц собрались и злобно уставились на Фэйюня, желая даже убить его.

Чан Лингэр была лидером среди этих девушек. Она мягко сказала: "Фэн Фэйюнь может быть гнусным преступником, но я встречалась с ним несколько раз в прошлом, этот человек осмелился признаться в содеянном - монстр, но не притворщик".

Тем временем из пагоды донесся безумный смех Фэйюня: "У Цинхуа, сука! Я не признаюсь в этом, даже если ты убьешь меня! Я не пойду на уступки, если ребенок не мой!".

Девушки чувствовали, что Фэйюнь подстерегает смерть, проклиная так своего Верховного. У Цинхуа славился своей суровостью и безжалостностью. Все они боялись этого буддиста с железным лицом.

"У Цинхуа, продолжай жечь меня этим пламенем второго уровня! Если я когда-нибудь вырвусь, я сорву с тебя халат во второй раз и буду давить тебя до тех пор, пока ты не заплачешь о своей матери... И ты тоже забеременеешь... Ха-ха!"

Несмотря на то, что его обожгло пламя, он все еще смеялся и злил Цинхуа.

Девочки никогда раньше не слышали ничего столь извращенного. Все они покраснели; старшие монахини начали закрывать уши малышам.

Конечно, хорошие слушатели услышали, как Фэйюнь сказал "во второй раз". Как такое может быть, ведь Верховный уже был раздет однажды...?

Они не осмеливались представить себе это и нараспев читали мантры, стабилизирующие психику. Тем не менее, они все еще задавались вопросом: "Нет, не может быть. Фэйюнь может

быть чудовищем, но он не сравнится с Верховной, и уж точно не сможет ее раздеть, его поганый рот, должно быть, несет чушь... о нет, Амитабха, что я себе вообразил, Амитабха...

Глаза Цинхуа стали холодными. Ее репутация и авторитет были поставлены под сомнение вот так публично.

Она не могла убить его прямо сейчас, прежде чем найти пропавшее писание, поэтому сначала она хотела отрезать его надоедливый язык.

Другие ученики боялись его и не осмеливались подойти близко, поэтому ей нужно было сделать это самой.

Она подняла руку и создала меч духа с холодной энергией, сочащейся из кончика.

Эта холодная энергия заморозила рот Фэйюнь, покрыв его слоем инея.

Фэйюнь все же смог произнести: "У Цинхуа! Я осмелюсь убить тебя! Но это все равно не решит проблему, тот человек, который пробрался сюда, будет продолжать творить свои дела, многие невинные девушки станут матерями!"

"Ты думаешь, я поверю тебе?" Она направила энергию меча в его рот.

"Не отрезай ему язык!" Порыв ветра ворвался в пагоду и приземлился перед Фэйюнь.

Сюэцзянь вышла и попыталась снять цепи; слезы продолжали течь из ее глаз. Она не думала, что сможет встретиться с ним снова.

Она слегка погладила его по лицу, чтобы убедиться, что это реальность. Это действительно было так, а не просто очередной сон.

Кровь в его глазах немного спала, как и его злая близость. Он уставился на эту знакомую, но незнакомую женщину. За несколько лет она повзрослела, потеряла невинность и стала еще красивее.

"Сюэцзянь...?" Он приоткрыл пересохшие губы.

Она многократно кивнула и мило сказала: "Почему ты жив?"

Фэйюнь сказала: "Кхм, это долгая история... Ой! Зачем ты топаешь ногами, у меня пальцы вот-вот сломаются!".

"Хмф! Это твоя вина, что ты обманываешь других женщин, ты должен обманывать только

меня!" Она снова топнула ногой и схватила его за ухо: "Ты обманул Ю Лао и сделал ее беременной, так почему же я не беременна, если ты все время обманывал меня? Ты обманывал меня из-за того, что обманывал меня?!" [1]

Девушки поблизости были ошеломлены - что, черт возьми, здесь происходит?

1. Я надеюсь, что последнее предложение имеет смысл, стараясь сохранить абсурд.

<http://tl.rulate.ru/book/119/2983852>